

Рецензия

В. Никонов. Молотов. Молодость. М.: Вагриус, 2005. 768 с.

Проживи Молотов еще немного дольше, десяток государств -- от Монголии до Польши -- требовали бы выдачи им обвиняемого в преступлениях против человечности. Эта констатация – лишь ответ на откровенное объявление автором: «Я любил и люблю его» (с. 5). Что же, трагическое напряжение, порожденное неустранимостью преступления и любви, может помочь вырваться за пределы обыденного понимания человека и обстоятельств. В этом и есть задача истории, предстает ли она в облики музы или социальной науки.

О трагедии в книге В. Никонова нет и речи. Кремлевский политолог вполне доволен собой и своим героем – «о таком деду можно было только мечтать». На дворе третье тысячелетие, и конечно, «я не считаю все им сделанное и сказанное правильным. Но, право, не я ему судья», -- и автор призывает на помощь Пушкина как ревнителя славы предков (с. 6). Похоже, В. Никонов не подозревает, что упоминание судьи, Пушкина и родовой репутации заставляет читателя вспомнить известные с детства строки Лермонтова.

Жанр книги автор определить не берется. Обширные цитаты позволяют считать ее «мемуарами деда», а «использование архивов, а также других источников и литературы позволяет определить жанр книги как историческое исследование. Кроме того, в ней много моих мыслей об эпохе...». Все так. Однако точнее всего характер своего 760-страничного произведения В. Никонов обозначил, сетуя на отсутствие «сколь угодно достоверной и складной биографии Молотова» (с. 6).

Значение книги В. Никонова гораздо шире. Перед читателем -- крупное произведение нарождающейся *московско-кремлевской исторической школы*. Попробуем выделить ее главные, поистине родовые, признаки.

Борьба с трансцендентностью. В. Никонов искренне не приемлет социального опыта, выходящего за рамки наличного бытия. Революция как освободительное усилие, как утоление жажды справедливости ему попросту непонятна. Отблеск костра – не на его лице.

«Как становились революционерами?» -- спрашивает автор. «Сам дед говорил», что революционность пробудило в нем «в первую очередь чтение художественной литературы». Автор сомневается: «Читали Чехова и возмущались положением дел

миллионы, но идти на каторгу во имя светлого будущего были готовы максимум тысячи» (отчего социальный протест связывается у В. Никонова непременно с каторгой, которой ни Сталин и Молотов, ни большинство других революционеров и в глаза не видели?). По мнению В. Никонова, «выбор во всех случаях предопределялся стечением нескольких обязательных обстоятельств и условий, при которых становятся революционерами». На первое место он ставит «личность» -- но нет, не личность революционера. Личность – это «волевой, сильный, доминирующий наставник, который укажет путь». Вслед за ним покорно маршируют «*событие*, подтверждающее правильность указанного пути», «*характер* самого человека» (способность служить идеалу, что редкость: «человек слаб») и «*случай*, играющий большую роль» (с. 27-28). Автор неспособен отделить революционера от религиозного фундаменталиста. Для него все движения, отрицающие существующее социальное устройство, на одно лицо. Самостоятельность личности ничтожна – человеком непременно должен кто-то управлять, иначе и быть не может. Людей, не укладывающихся в эти «обязательные» рамки, В. Никонов может лишь зло третировать: «эти борцы за демократию» (о фракции демократического централизма, с. 485), «группа пламенных революционеров» (о большевистских эмиссарах в Германии, с. 704).

Корпоративность как историческая сила и жизненное мерло. «Думаю, дед поступил не совсем по-товарищески, когда не упомянул среди первых правдивцов Раскольников. Но и Раскольников, по его разумению, вел себя не по-товарищески, когда эмигрировал из СССР (sic) в конце 30-х...» (с. 115). «При обсуждении газетного вопроса Молотов выступил с возмущившим многих предложением – разрешать выпуск только тех газет, которые поддерживают революцию» (март 1917, с. 209). «Дед... с большим недоверием относился к тем, чей партийный стаж начинался в первые послереволюционные годы» (с. 408). «Молотов благоразумно отмолчался по наиболее спорным вопросам» (VIII съезд, с. 458). «К апрелю 1920 г. относится первая известная мне статья будущего ваятеля коллективизации Молотова по крестьянской проблематике» (с. 486). «Управленческий стиль деда – деполитизированный, нацеленный на решение поставленных партией задач через оптимизацию работы аппарата» (с. 477). «В резолюции съезда дедова мысль о воспитательной роли профсоюзов отражение нашла» (с. 484). «Что же касается деда, то с системой известных привилегий для коммунистов он тогда не спорил» (с. 563). «Дед, надо сказать, от своего начальника старался не отставать» (с. 606).

Умеренность и аккуратность требуется, как известно, дополнить «личным вкладом». В результате тезисы агитпропа Молотова о Версальском мире, ни на йоту не

отступающие от газетных филиппик, предстают «систематическим изложением взглядов будущего министра иностранных дел Молотова по внешнеполитической проблеме» (с. 468). Бесспорно, 32-х-летнему Секретарю ЦК было непросто предлагать старшим товарищам ограничить антицерковную кампанию теми губерниями и городами, «где действительно есть крупные ценности». Отражало ли мнение Молотова разномыслие в руководящей верхушке, опасения эксцессов, его личное восприятие? Что за вопросы! – «Вероятно, семейное воспитание и упражнение в церковном хоре сказывались» (с. 600). Не партийный хор, так церковный.

Бульварная занимательность. Скука, которую навевает повествование о трудах и днях главного героя развеивается необязательным документальным материалом и масштабными рассуждениями. Николай II и Молотов, Троцкий и Путин, не больше, ни меньше! – и угадайте, кто из них оказался «лучшим **политиком**» (с. 718-719). Интеллектуальная пошлость не приходит одна – и в дело идут скользкие замечания о Крупской и Арманд или о неряшливости Рыкова. Давно опубликованное письмо Ленина (12 июля 1923 г.)¹ автор представляет как архивную находку, печатает его с непростительными искажениями, а затем произвольно интерпретирует – разумеется, в смысле психической неадекватности Ленина (с. 649). Особенно вдохновляют В.Никонова очерки беглых аппаратчиков -- Г. Беседовского, Б. Бажанова и С. Дмитриевского. Автора не смущают унижительные для Молотова хлестаковские рассказы Бажанова о том, как сочинялся партийный устав 1922 г., и он не предпринимает ни малейшей попытки обычной критики источника, хотя возможностей к тому немало². Зачем? -- Ведь бажановская история «довольно забавна» (с. 594). Антибольшевистские разоблачения Беседовского тоже помогают взбодрить повествование – переворот в Москве, конармия на Рейне, в каком еще источнике найдешь такое (с. 704, 710). Одновременно этот балаган позволяет дискредитировать Троцкого -- носителя революционного мировоззрения и противника сплывающей корпорации – и даже утверждать: «У оппонентов Троцкого были серьезные основания опасаться за свою жизнь» (с. 676). Приятен автору и отзыв о Троцком национал-социалиста Дмитриевского (с. 718).

Так в трактовке внутривнутрипартийного конфликта 1923 г. сливаются воедино главные тенденции московско-кремлевской школы: отрицание исторической свободы, прославление корпоративной государственности, эрудированная пошлость. В лице

¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 188; В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 543.

² Особенно значительны мемуарные сведения и соображения сотрудника аппарата ЦК 20-х гг. Балашова (А.П. Балашов, Ю.С. Мархашов. Старая площадь, 4 (20-е годы) // Полис. 1991. № 1, 2, 4). «...Может быть, Борис не сам писал..., -- сомневался Балашов. – Странно, но нет здесь ни одной детали, мелочи – достоверной, как будто автор не только в ЦК не работал, но и не бывал там» (№ 4. С. 182).

В. Никонова новая историческая школа еще полностью не преодолела традицию добросовестного изложения. Впрочем, зачем ее преодолевать? – достаточно поставить себе на службу.

Продолжение следует.

О.Кен (С.-Петербург)